

УДК 342

СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: МНОГОМЕРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

© 2025 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2024 г.

Аннотация. В статье представлен отчет о состоявшейся 19 июня 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук Международной научной конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия». В ее работе приняли участие представители ведущих научных учреждений и вузов Российской Федерации, а также исследователи из Беларуси, Узбекистана и Вьетнама. Они обсудили широкий круг проблем, с которыми сталкивается современный конституционализм, вынужденный реагировать на актуальные цивилизационные вызовы. Распространение конституционализма на новые сферы отношений и регионы мира приводит к появлению его новых интерпретаций. Предметом дискуссий было их соотношение с классическими представлениями о конституционализме и регулятивный потенциал.

Ключевые слова: конституционализм, философия конституционализма, экономический конституционализм, экологический конституционализм, социальный конституционализм, социетальный конституционализм, цифровой конституционализм, публичная власть, разделение властей, суверенитет.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Современный конституционализм: многомерность восприятия (Международная научная конференция) // Государство и право. 2025. № 1. С. 207–222.

DOI: 10.31857/S1026945225010184

MODERN CONSTITUTIONALISM: MULTIDIMENSIONALITY OF PERCEPTION (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

© 2025 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 26.09.2024

Abstract. The article presents a report on the International Scientific Conference “Modern constitutionalism: multidimensional of perception” held on June 19, 2024 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Representatives of leading scientific institutions and universities of Russia, as well as researchers from Belarus, Uzbekistan and Vietnam took part in it. They discussed a wide range of problems faced by modern constitutionalism, which has to respond to current civilizational challenges. The spread of constitutionalism to new spheres of relations and regions of the world leads to the emergence of its new interpretations. The subject of discussion was their correlation with classical notions of constitutionalism and its regulatory potential.

Key words: constitutionalism, philosophy of constitutionalism, economic constitutionalism, ecological constitutionalism, social constitutionalism, societal constitutionalism, digital constitutionalism, public power, separation of powers, sovereignty.

For citation: *Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2025). Modern constitutionalism: multidimensionality of perception (International Scientific Conference) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 207–222.*

Современный этап развития конституционализма сопряжен с необходимостью реагировать на актуальные цивилизационные вызовы, ответом на которые становится его распространение на новые сферы отношений и регионы мира. Это приводит к появлению различных концепций неоконституционализма, отражающих многообразие его региональных и национальных практик (европейский, латиноамериканский, африканский, российский, немецкий, китайский и т.п. конституционализм); «выход» конституционализма за пределы национальных государств (глобальный, транснациональный, многоуровневый и т.п. конституционализм); его социальную направленность (трансформационный, социетальный, экологический и т.п. конституционализм); практико-ориентированный характер (функциональный, «живой», конструктивистский и т.п. конституционализм); разнообразие способов политической коммуникации в процессе осуществления публичной власти (мажоритарный, делиберативный, популистский и т.п. конституционализм); опосредование конституционными принципами экспансии новых технологий (цифровой, алгоритмический, когнитивный, нейро- и т.п. конституционализм).

Участники состоявшейся 19 июня 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук Международной научной конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия» обсудили интерпретации конституционализма, их соотношение с классическими представлениями и регулятивный потенциал. В работе конференции приняли участие более 50 ученых, представлявших ведущие научные учреждения и вузы России, а также исследователи из Беларуси, Узбекистана и Вьетнама.

Пленарное заседание открыл директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков. Он подчеркнул уникальность российского опыта становления и развития конституционализма и необходимость сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической преемственности и сложившегося государственного единства. Правовая основа этих задач государства и общества установлена в ч. 1–3 ст. 67¹ Конституции РФ.

На некоторых юридических и мировоззренческих аспектах современного конституционализма и особенностях их проявления в образовательном процессе остановился д-р юрид. наук, проф. Н.С. Бондарь (ИЗиСП при Правительстве РФ). По мнению докладчика, необходимо определить, сохраняет ли конституционализм как универсальная категория свои классические характеристики в условиях современных глобальных вызовов. В настоящее время актуален не только и не столько поиск новых моделей конституционализма (в том числе национального, социокультурного, аксиологического и т.п.), сколько выявление новых измерений конституционализма, обоснование новых механизмов его генерации, включая разработку нетрадиционных институтов конституционализма. Особая роль здесь принадлежит судебной практике как специфическому источнику права. Столь же актуальна проблема реальной (а не декларативной) конституционализации правовой сферы в единстве ее нормотворческих, правоприменительных, политических и мировоззренческих начал.

В концентрированном виде универсальная роль конституционализма проявляется в системе юридического образования. В этом плане заслуживает внимания опыт Южного федерального университета, где создана первая

в Российской Федерации кафедра конституционализма. Это знаменует изменение философско-мировоззренческих и методологических подходов к организации учебного процесса и преподаванию государствоведческих дисциплин, преодоление нормативистских традиций в обучении и переход к ценностно-поведенческой модели обучения теоретической и практической юриспруденции. Такой подход, базирующийся на реальной, а не декларативной конституционализации юридического образования, позволяет преодолеть узкоотраслевую модель подготовки юридических кадров, создает предпосылки для восстановления во многом утраченных в рамках Болонского процесса философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования (признание безусловного приоритета фундаментальной подготовки, единство теории и практики, образования и воспитания юридических кадров).

В докладе д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Энтина (МГИМО МИД России) акцентировалось внимание на том, что современное право превратилось в столь сложную регуляторную систему, что для ее понимания, исследования, преподавания стали использоваться методы вычленения отдельных блоков, секторов, элементов системы, произошла абсолютизация отраслевого деления права. Как следствие, возник все углубляющийся разрыв между субъективным восприятием права, будто бы состоящего из множества самостоятельных существующих и развивающихся отраслей, и объективно системным характером правового регулирования. Ключом к разрешению этого противоречия служит современный конституционализм. Однако он способен играть столь важную роль, только если позиционируется как обеспечивающий единство и цельность нормативного массива; устанавливающий ценностные параметры правовой системы, включая правовую культуру и правоприменение, и контролирующий приверженность данным ценностям; вводящий жесткую иерархию и соподчинение норм права, когда стержнем всей конструкции является верховенство конституционного права; закрепляющий принцип господства права в качестве обязывающего человека, социальные институты, бизнес, государственные структуры и общество в целом придерживаться задаваемых конституционным правом стандартов поведения.

Вместе с тем среда, в которой действуют субъекты внутреннего права, не ограничивается государственными рамками. По своей структуре она напоминает как минимум трехуровневую матрицу: государство «вложено» в свой субрегион, который, в свою очередь, «вложен» в регион и макрорегион, соответственно «вложенные» в глобализированный мир и совокупность мирохозяйственных связей. На каждом уровне действует свой столь же сложный регуляторный массив, и все они нуждаются в координации.

Как и в случае с национальным правом, организующей силой здесь выступают особые нормативные акты, связывающие правовое пространство в единое целое, дополняемые механизмами контроля разной степени жесткости. Такие акты должны отвечать, а в каких-то аспектах или даже полностью уже отвечают всем указанным выше требованиям, предъявляемым к конституционным актам. Однако, чтобы все они приобрели соответствующее качество, практика их применения и совершенствования должна идти по пути конституционализации правовых систем, в которые «вложен» национальный правовой порядок. Заданность и закономерность международной конституционализации предопределяется тем, что предотвращать дисфункцию многоуровневого регулирования можно только посредством снятия или, желательнее, устранения противоречий между

нормами права различного уровня. Докладчик рассмотрел взаимосвязь между региональной и международной конституционализацией, ее различные формы, присущие им общие черты и особенности, а также проблемы обеспечения целостности и непротиворечивости многоуровневой правовой системы.

Основываясь на работах трех выдающихся представителей социальных наук XX в. — Г. Дж. Бермана, М. Ориу и М. Фуко, канд. юрид. наук, доц. И. П. Кененова (МГУ им. М. В. Ломоносова) обозначила основные проявления современного кризиса конституционализма и обуславливающие их факторы. Г. Дж. Берман в конце XX в. предупреждал о кризисе западной традиции права, «равного которому еще не было»¹. Ученый не видел оснований для оптимистичного сценария дальнейшего ее развития, поскольку разрушается «корневая система» права (забываются его религиозные основы, моральные ориентиры, оно становится все более прагматичным и политизированным, развивается презрение и цинизм по отношению к закону), мечта Запада о спасении мира через прогресс права уже не актуальна².

М. Ориу подчеркивал искусственный характер конституции как особого рода регулятора, иронично замечая, что это средство стабилизации правопорядка было «с изумительной находчивостью извлечено из самого писанного закона, от которого искусственным путем удалось получить те же гарантии, какие естественным образом даются институтами обычного права»³. Этот своего рода политико-юридический трюк удался, поскольку в западной традиции признавалась сакральная природа права⁴. Поэтому высокий авторитет принятого с особой торжественностью высшего закона (как если бы он был освящен давним обычаем)⁵ вполне согласовался с характерной для данной традиции идеей о присутствии в праве Божественного разума и справедливости.

М. Фуко указал на то, что созданный европейской научной мыслью «человек», свободный от рождения и обладающий естественными правами, — это всего лишь опутанный ограничениями «индивид»⁶.

Современный кризис конституционализма, являясь частью того кризиса права, о котором писал Г. Дж. Берман, имеет следующие проявления, одновременно выступающие и факторами, способствующими его драматичному развитию: системный, органический, трансцендентальный характер права сменился его хаотичностью, имитационностью, утилитарностью (так разрушается, десакрализуясь, идеологический элемент конституционализма); контроль государства и межгосударственных структур посредством права приобрел тотальный характер (в результате деградирует нормативный элемент конституционализма, обесцениваются его основные принципы и нормы посредством реформ, несоразмерно ограничивающих права человека, дея-

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 13.

² См.: там же. С. 13, 48, 54.

³ Ориу М. Основы публичного права / пер. с франц. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М., 1929. С. 9.

⁴ «Запад возвышал Право. Сам Бог, по словам Эйке фон Репгау, и есть Право» (см.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 13.)

⁵ См.: Ориу М. Указ. соч. С. 9.

⁶ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с франц. А. В. Шестакова. СПб., 2007. С. 74–77.

тельность средств массовой информации, независимость судебной власти, и, напротив, усиливающих влияние авторитарного, лидерского начала и мажоритаризма при осуществлении публичной власти); в правоприменительной практике, опосредующей третий — правореализационный элемент конституционализма, юридико-технические приемы заслонили нравственную составляющую этой деятельности, причем данная тенденция усиливается цифровизацией.

Поиск путей преодоления кризиса конституционализма предполагает реконструкцию трех упомянутых его элементов. В данном контексте можно выделить несколько подходов: выведение на первый план идеологического элемента конституционализма (развитие концепций «конституционной идентичности», «делиберативной демократии», «политического конституционализма», формирование новых базовых правил функционирования общества через религиозное обновление); гармонизация коллективизма и индивидуализма через укоренение в конституционных нормах концептов доверия и солидарности; практическое поддержание горизонтальных связей в отношениях по осуществлению публичной власти на всех уровнях (местном, региональном и общегосударственном); субъекты, преуспевшие в решении управленческих задач, по-видимому, будут способны сформировать такую базовую систему правил, которую общество примет и легитимизирует как пригодную для выполнения функций конституции. Причем данные правила по целям и содержанию могут заметно отличаться от либерального стандарта конституционализма, утвердившегося в конце XVIII — начале XXI в.

В последние десятилетия одним из наиболее динамично развивающихся направлений сравнительного конституционного права является конституционализация охраны окружающей среды, что ведет к формированию экологического конституционализма, подчеркнула д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН). Экологические, климатические, энергетические кризисы, пандемия COVID-19 показали, насколько уязвимы люди и насколько их судьбы зависят от состояния экосистемы в целом. В рамках экологического конституционализма исследуются закрепление экологической политики и экологических прав на конституционном уровне и практика их реализации. Экологический конституционализм относительно молод (первые исследования появились в начале XXI в.), он развивается в рамках транснационального диалога, посредством обращения к зарубежному опыту конституционного регулирования и судебной практике⁷.

Положения об охране природы содержатся в конституциях трех четвертей государств — членов ООН⁸. Около половины национальных учредительных актов прямо или косвенно признают право на надлежащее состояние окружающей среды⁹, треть из них предусматривает процедур-

ные экологические права, включая право на информацию о состоянии окружающей среды, право на участие в решении вопросов, связанных с экологией, и доступ к правосудию по экологическим спорам¹⁰. В октябре 2021 г. Совет по правам человека признал право на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду в качестве права, которое необходимо для полного осуществления прав человека (Резолюция 48/13)¹¹.

Вопросы экологии приобретают статус важнейших конституционных приоритетов. Они затрагивают многие аспекты существования человека. Органы судебной власти в разных государствах признают наличие экологической составляющей при рассмотрении конституционных споров об обеспечении права на жизнь, на охрану здоровья, на уважение достоинства и т.д. Конституционные жалобы по вопросам, связанным с охраной окружающей среды, стали подаваться в интересах тех субъектов, которые не могут самостоятельно защитить свои права, — несовершеннолетних, будущих поколений, природных объектов. При рассмотрении таких споров органы судебной власти часто обращаются к международным правовым актам и зарубежной судебной практике.

Специфике социального конституционализма был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН). Современные конституции большинства государств содержат положения, направленные на защиту социальных прав. Часто они сформулированы в виде целей и принципов государственной социальной политики, положений программного характера, крайне общих абстрактных прав (например, право на достойную жизнь). Такие гибкие стандарты позволяют государствам постепенно выполнять принятые на себя социальные обязательства и допускают вариативность определения объемов предоставления социальных благ. Но даже конституционные положения общецелевого, программного характера при определенных условиях могут быть основанием для судебной защиты прав граждан в социальной сфере в контексте контроля за исполнением государством проистекающих из них обязательств¹². Если в конституциях перечисляются конкретные социальные права, то они рассматриваются как неотъемлемая часть всей системы прав человека и их защита осуществляется посредством обращения к общим конституционным принципам (запрет дискриминации, уважение человеческого достоинства) или гражданским (личным) правам (право на жизнь, на справедливое судебное разбирательство, на неприкосновенность частной жизни).

В конституциях также могут закрепляться обязанности законодателя установить минимальные социальные стандарты (минимальная заработная плата, прожиточный минимум или другие показатели), позволяющие определять гарантируемый уровень обеспечения социальными благами, для достижения которого человек может претендовать на помощь государства. Эти социальные стандарты являются более конкретными и определенными, и степень их защищенности

⁷ См.: *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // *New Frontiers in Environmental Constitutionalism*. Nairobi, 2017. P. 30.

⁸ См.: *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // *David Suzuki Foundation*. Paper 4. URL: <https://david Suzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).

⁹ Чаще всего на конституционном уровне закрепляется право на качественную окружающую среду, которое может формулироваться как право на «адекватную», «чистую», «здоровую», «продуктивную», «гармоничную», «устойчивую» окружающую среду (см.: *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // *SSRN*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (дата обращения: 22.09.2024)).

¹⁰ См.: *Daly E., Kotze L., May R.J.* Op. cit. Pp. 30, 31.

¹¹ См.: Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. 48-я сессия. 13 сентября — 8 октября 2021 г. Право человека на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду. 5 October 2021. A/HRC/48/L.23/Rev.1 // *United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights*. URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/48/L.23/Rev.1 (дата обращения: 22.09.2024).

¹² См.: *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // *German Law Journal*. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.

сравнима с уровнем защиты индивидуальных гражданских прав (например, если законом предусмотрен конкретный вид социального обеспечения, то предоставление соответствующих выплат с нарушением установленных порядка и размера может быть приравнено к нарушению права собственности). Такие социальные стандарты являются основными гарантиями доступа нуждающихся к социальным услугам, помощи и выплатам, обеспечивающим им получение доходов не ниже минимального уровня, установленного в национальном законодательстве для отдельных категорий лиц¹³. В этой связи некоторые исследователи предлагают считать их «негативными социальными правами»¹⁴.

На проблеме суверенизации судебной власти остановился **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСиЗП при Правительстве РФ)**. В контексте традиционного западноевропейского понимания конституционализма как режима, основанного на фундаментальных принципах демократии, народного представительства и верховенства права, сама постановка вопроса о суверенизации судебной власти, особенно популярная именно в странах Западной Европы, представляется несколько неожиданной. Основные аргументы сторонников расширения сферы судебской автономии сводятся к неспособности представительных органов — парламентов и избранных глав государств — осуществлять эффективное управление политическими процессами, оперативно реагировать на изменяющиеся отношения и своевременно адаптировать существующее правовое регулирование под новые реалии. В этой ситуации единственно возможным выходом считается переход к своего рода экспертократии, функционирующей в рамках «живого» конституционного права, когда судебные органы, лишённые фактически каких-либо правовых (и конституционных) ориентиров, но обеспеченные мощными конституционными гарантиями независимости и автономности от иных органов власти, начинают все более активно вторгаться в формирование правовой политики, наполняя новыми смыслами действующее правовое регулирование, выводя из него новые правила поведения. Не оспаривая саму возможность экстраординарного правотворчества судов, стоит оговорить, что это явление должно рассматриваться как нечто исключительное, применяемое в абсолютно необходимых ситуациях и в рамках существующих конституционных процедур.

Однако даже западные аналитики (Т. Исон¹⁵, Дж. Гриффит¹⁶ и др.) признают, что в погоне за сохранением собственной независимости судебная власть, формируя и активно продвигая концепт судебного суверенитета, фактически трансформируется в новый центр политического управления, что, с одной стороны, существенным образом выхолащивает сущность правосудия, в основе которого лежит идея справедливости, а с другой — размывает конституционную категорию суверенитета, прежде всего государственного, создавая фактически новый субъект, обладающий соответствующими характеристиками. Особенно серьезно данная проблема проявляется

на наднациональном уровне, где усиление региональных судебных учреждений может приводить к выхолащиванию идеи суверенитета как таковой, поскольку судебная инстанция, не будучи связанной национальной юрисдикцией, фактически приобретает монопольное право на определение политики как соответствующего регионального объединения, так и отдельных входящих в него национальных государств. Примером может служить практика Европейского Суда по правам человека и Суда ЕС.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. И.А. Дудко (РГУП)** рассматривалось влияние Конституционного Суда РФ на становление и эволюцию конституционализма в Российской Федерации. Два направления деятельности органа конституционной юстиции — защита прав и свобод человека и гражданина и балансировка системы разделения властей — влияют на развитие основных принципов конституционализма. В рамках первого направления следует отметить выдающиеся достижения Конституционного Суда РФ: внедрение в правовую систему Российской Федерации международных стандартов в области прав человека; развитие принципов взаимоотношения личности и государства, в том числе конкретизация содержания принципов равенства, поддержания доверия граждан к действиям государства, правовой определенности, которые стали основными критериями проверки конституционности нормативных правовых актов; толкование конкретных прав человека, включая расширение содержания и гарантий права на судебную защиту. В отношении второго направления практика Конституционного Суда РФ не столь однозначна. Можно выделить следующие аспекты: укрепление положения Президента в системе органов государственной власти; усиление централизации в федеративном устройстве России; расширение компетенции органа конституционной юстиции и усиление его влияния на другие органы власти; признание возможности существования «исключительных» правовых режимов.

Об особенностях системы сдержек и противовесов в Республике Беларусь рассказал **член-корр. Национальной академии наук Беларуси, д-р юрид. наук, проф. Г.А. Василевич (Белорусский государственный университет)**. В результате состоявшегося по инициативе Президента Беларуси А.Г. Лукашенко 27 февраля 2022 г. республиканского референдума о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь были переформатированы некоторые властные полномочия президента, парламента и правительства, учрежден новый орган народного представительства — Всебелорусское народное собрание, акты которого обладают большей юридической силой, чем акты президента, парламента или правительства в сфере обеспечения национальной безопасности.

Республика Беларусь по форме правления осталась президентской, однако теперь в определенной мере можно говорить о дуализме верховной власти. Всебелорусское народное собрание может выступать в роли дополнительного стабилизирующего фактора в условиях кризисной ситуации. Расширились полномочия парламента, в частности появилось требование о ежегодном информировании его о деятельности Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля. Судьи Верховного и Конституционного судов, которые ранее назначались Президентом РБ, теперь избираются на заседании Всебелорусского народного собрания. В Беларуси указы Президента РБ, по сути, имеют подзаконный характер (они не должны противоречить законам), хотя и у Президента, и у парламента имеется свой круг предметов ведения. Однако предметом

¹³ См.: The ILO. Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). Paras. 4, 5 // International Labour Organization. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_ILO_CODE:R202 (дата обращения: 23.09.2024).

¹⁴ *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.

¹⁵ См.: *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // *Adelaide Law Review*. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.

¹⁶ См.: *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.

конституционной жалобы могут быть только законы. Некоторые сомнения вызывает соотношение конституционности и легитимности выборов, которые определяют соответственно Конституционный суд и Всебелорусское народное собрание. Очевидно, что практика реализации конституционных норм, их развитие в законодательных актах внесет определенную ясность.

Оценивая изменения и дополнения Конституции РБ в целом, можно утверждать, что произошла лишь ее модернизация, базовые конституционные ценности сохраняются. Совершенствованию подверглась только вертикальная структура системы сдержек и противовесов. На горизонтальном уровне существенных изменений не произошло: отношения между органами представительной и исполнительной власти остались прежними.

Проблеме религиозных пределов осуществления политических прав в исламских странах был посвящен доклад **д-ра юрид. наук, проф. Л.Р. Сюкияйнена (НИУ ВШЭ)**. Соотношение религиозных предписаний с юридически закрепленными правами человека в исламском мире отличается от практики стран, где реализуются стандарты неоллиберальной демократии. В мусульманских государствах религиозные нормы выступают не только элементом частной жизни, но и активно вторгаются в публичное пространство, предопределяя пределы прав и свобод человека, в том числе и политических. Показательным примером являются избирательные права женщин в арабских странах. По этому вопросу в исламской мысли сформировались различные позиции. В рамках одной из них данные права не признаются. Другая исходит из того, что женщина обладает всей полнотой избирательных прав, хотя и при условии соблюдения шариатских требований, предъявляемых к ее личному поведению. Третья позиция допускает предоставление женщинам активного избирательного права, но исключает возможность их избрания в состав представительных органов. Сторонники каждой из указанных позиций приводят в ее пользу шариатские аргументы, которые лежат в основе фетв, выносимых авторитетными центрами фикха — исламской науки о правилах внешне выраженного поведения людей. В настоящее время преобладает подход, допускающий предоставление женщинам избирательных прав при условии соблюдения ими шариатских требований в личном поведении (в частности, относительно правил ношения одежды, общения с посторонними мужчинами) и приоритетного исполнения ими обязанностей по отношению к своим семьям. Во многих арабских странах на данный подход ориентируется законодательство, которое отражает эволюцию современной исламской юриспруденции. Судебная практика, связанная с толкованием положений законодательства, которые ставят предоставление женщинам избирательных прав в зависимость от соблюдения шариатских требований, позволяет точнее определить соотношение между шариатом как сводом религиозных постулатов и исламским правом как юридическим явлением в его современном варианте.

Конференция продолжила работу в рамках двух секций. На **первой секции «Конституционализм: новые концепции»** были представлены доклады, посвященные политико-философскому осмыслению конституционализма и его интерпретациям.

Влияние на конституционализм современной политической философии проанализировал **канд. юрид. наук В.Е. Кондуров (СПбГУ)**. Э. Форстхофф в ходе дискуссии о ценности природы основных прав среди прочих критических аргументов отметил, что конституционное право

под влиянием философии утрачивает самостоятельность, становится заложником смены философских парадигм¹⁷. Немецкий юрист имел в виду философию в целом. Однако это означает, что такой риск сопряжен с любой философской парадигмой (в том числе политической), особенно в условиях возникшей после эпохи модерна ситуации полидискурсивности и отсутствия метанарратива. Сегодня в философии наблюдается рост интереса к объектно-ориентированной онтологии, *weird studies*, «темной онтологии» и т.д.¹⁸ Нельзя сказать, что сторонники этих направлений не уделяют никакого внимания политике, социальной философии или праву, хотя эти темы и не составляют их непосредственный интерес. Последствия, к которым может привести некритический перенос на конституционное право структур мысли и понятий данных течений, — вопрос для специального исследования. Однако с учетом их принципиального отказа от исключительности человека (а значит и его прав и свобод) по крайней мере на уровне гипотезы можно предположить, что такие последствия вряд ли будут благотворны для конституционализма.

С чем-то подобным наука конституционного права уже сталкивалась, например в связи с возросшим на рубеже столетий влиянием критической теории¹⁹, которая вообще ставит право под вопрос и склонна рассматривать его в контексте взаимодействия властных групп, т.е. конституционное право здесь оказывается чистой политикой, столкновением элит, классов и т.д. Часто это выдается за объективное представление о реальности, где право — это лишь один из инструментов борьбы, аргументов в споре. С теоретической точки зрения такой подход влечет за собой принципиальный отказ от рассмотрения правовой реальности в угоду, например, реальности социальной или политической, которую изучают иные, пусть и смежные, науки. Право здесь утрачивает естественную для него автономию.

Несомненно, что стремление полностью исключить влияние политической философии на конституционное право (как на уровне доктрины, так и на уровне практики) дело в целом бесперспективное. Однако юриспруденция не должна быть заложницей смены парадигм, идеологем и трендов. Представляется, что догматический метод, образующий неизменное ядро правовой традиции, который выкристаллизовался в ходе ее тысячелетнего развития, будучи в целом невосприимчив к веяниям философской моды, мог бы при правильном его применении стать по крайней мере одним из инструментов сохранения конституционализма и автономии конституционно-правовой науки.

Доклад **канд. юрид. наук, доц. С.А. Денисова (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)** был посвящен философии

¹⁷ См.: *Forsthoft E.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoft, W. Weber (Hrsg.). Berlin, 1994. S. 52.

¹⁸ См., напр.: *Такер Ю.* В пыли этой планеты // Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. Пермь, 2017. Т. 1. С. 102–104; *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М., 2021. С. 102–143.

¹⁹ Общий обзор соответствующих работ см., напр.: *Сергеевич С.Л.* Новые тенденции в развитии американской науки права: «движение критических правовых исследований» // Правоведение. 1990. № 5. С. 47–50; применительно к конституционному праву см.: *Tushnet M.* Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // Stanford Law Review. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629; применительно к международному публичному праву см. работы М. Коскенниemi 1990–2000 гг., краткие итоги его исследований см.: *Koskenniemi M.* The Politics of International Law – 20 Years Later // The European Journal of International Law. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.

конституционализма как новому направлению философии. Она позволяет увидеть конституционализм (его теорию и реализацию на практике) как часть общей картины мира, объединить знания о конституционализме, вырабатываемые различными науками — конституционным правом, конституционной экономикой, политологией, социологией, культурологией, психологией, антропологией — и представить его в динамике. В отличие от общей теории конституционализма философия конституционализма основана на методе дедукции. Опираясь на развитую идею конституционализма, она оценивает правопорядки отдельных народов и разделяет их на конституционные и доконституционные (неконституционные). Понимание сущности конституционализма позволяет отличить конституционный строй от многочисленных подделок под него с формальным использованием его атрибутов (конституции, выборов, парламента и т.п.). С точки зрения философии конституционализм рассматривается как результат цивилизационного развития. Отделившееся от государства гражданское общество пытается поставить под свой контроль государство (преодолеть его отчуждение). Личность, эмансипированная от общества и государства, требует считать ее права высшей ценностью. Появляется «человек конституционный». Опираясь на законы философии, мы видим нелинейность развития конституционализма, его борьбу со своими антиподами, имитацию его принципов и т.п.

Концепции глобального конституционализма посвятила доклад **канд. филол. наук, доц. А.К. Соболева (НИУ ВШЭ)**. Данное понятие вошло в научный оборот в 2010-х годах. В 2009 г. была опубликована статья А. Петерс «Достоинства глобального капитализма»²⁰, в 2014 г. — книга Г. Халмаи «Перспективы глобального конституционализма»²¹. А. Петерс под глобальным конституционализмом понимает академический и политический дискурс, который определяет и пропагандирует применение конституционных принципов в международно-правовой сфере с целью повышения эффективности и справедливости международного правопорядка²². Она утверждает, что глобальная конституционализация, вероятно, сможет компенсировать вызванные глобализацией конституционные проблемы на национальном уровне и конституционное «прочтение» международного права может стать герменевтическим средством, которое позволит и международному праву избавиться от дефицита легитимности²³. С тех пор ведется дискуссия о том, предполагает ли концепция глобального конституционализма проникновение конституционных принципов в международное право, либо, наоборот, она должна обосновывать рост влияния международного права на конституционное. Можно ли считать глобальный конституционализм попыткой распространить идеи конституционализма на сферу межгосударственных отношений? Насколько реальны перспективы появления глобального конституционного права, т.е. можно ли рассчитывать на то, что идеи прав человека и ограничения власти станут универсальными, а может быть, они уже таковыми стали и речь идет о «глобальной конституционализации»?

²⁰ Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.

²¹ Halmai G. *Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law*. The Hague, Portland. 2014.

²² См.: Peters A. *Op. cit.* P. 397.

²³ См.: *ibid.*

С 2012 г. выходит в свет журнал «Глобальный конституционализм», в котором обсуждается и сама концепция, и предметное поле исследований. В редакционной статье, опубликованной в первом номере, глобальный конституционализм определяется довольно широко: к нему относятся все, что связано с правами человека, демократией и верховенством права²⁴. Конституционализм понимается как идея, расположенная на пересечении права и политики, а в современную эпоху право и политика пересекаются не только на национальном, но и на глобальном уровне²⁵. Таким образом, понятие глобального конституционализма рассматривается как междисциплинарное направление исследований, а не как состояние глобального правопорядка или то, к чему неизбежно должна прийти или хотя бы стремиться мировая система.

Концепция социетального конституционализма, предложенная американским социологом Д. Скьюлли²⁶, как отметил **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**, стала откликом на формирование мощных национальных и транснациональных корпораций, деятельность которых сегодня затрагивает граждан и гражданское общество в целом не меньше, чем публично-властные полномочия государственных органов²⁷. Сторонники социетального конституционализма стремятся поставить пределы такой социальной власти не только посредством государственного регулирования (что применительно к транснациональным корпорациям часто оказывается невозможным), но и за счет самоорганизации и самоконституционализации различных социальных порядков и сфер отношений (экономики, экологии, культуры, здравоохранения и т.п.). Традиционный «государственный» конституционализм в данном случае выступает лишь в качестве базовой модели для процессов социетальной конституционализации, предлагая выработанные им инструменты ограничения власти — права человека, принципы верховенства права, демократии, разделения властей²⁸. Но каждая из социальных сфер способна к самоконституционализации без участия государства и на основе своих собственных принципов. Социетальный конституционализм утверждает множественность тем или иным образом институционализированных самостоятельных (относительно самостоятельных) социальных порядков и сетевой характер взаимоотношений между ними²⁹, что вступает в определенное противоречие с исходной идеей конституционализма как общего (единого, формально равного для всех) правопорядка, ограничивающего публичную власть.

²⁴ См.: Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al. *Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Global Constitutionalism*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

²⁵ См.: *ibid.* P. 8.

²⁶ См.: Sciulli D. *Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766; Sciulli D. *Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory*. Cambridge; New York, 1992.

²⁷ См.: Sciulli D. *Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism*. New York; London, 2001.

²⁸ См.: Prandini R. *The Morphogenesis of Constitutionalism // The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin*. Oxford, 2010. Pp. 311, 312; Teubner G. *Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // Sociological Constitutionalism / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill*. Cambridge, 2017. Pp. 317–319.

²⁹ См.: Teubner G. *Op. cit.* P. 319–324.

Попытки теоретиков социетального конституционализма обосновать возможность формирования единой глобальной конституции, способной интегрировать все многообразие социальных порядков, «безнадежно идеалистичны»³⁰. Более продуктивным является поиск механизмов согласования различных социальных порядков в рамках складывающегося конституционного плюрализма. В этих целях предлагается обращаться к инструментам и процедурам, апробированным в международном частном праве, а также в процессе взаимодействия национальных судов и наднациональных и международных судебных и квазисудебных органов³¹. Однако при этом постулируется, что своеобразная метаконституция, формируемая за счет разнообразных механизмов согласования, взаимного признания и взаимоадаптации различных социальных порядков, не должна навязывать никаких субстанциональных (сущностных, содержательных) принципов, а будет ограничиваться лишь процедурными правилами разрешения конфликтов между существующими «субконституционными порядками». Складывающийся таким образом «трансконституционализм» будет носить преимущественно «коллизийный» характер³², что существенно искажает сам смысл конституционализма и делает неопределенными предоставляемые им гарантии от злоупотребления властью.

На проблеме взаимосвязи права и власти в теории и практике конституционализма, ее динамике и гарантиях остановилась **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Конституционализм выражает социальный запрос на рационализацию власти средствами права, чему сопутствует усиление роли права и утверждение его понимания, исключающего его «упрощенную» трактовку только как результата государственно-властного нормотворчества. Содержательно гарантии взаимосвязи права и власти акцентируют способы контроля публичной власти на основе права. Среди них классическая концепция разделения властей XVIII в., предполагающая взаимный контроль и сдерживание в механизме государственной власти, что обеспечивает ее самоограничение при усилении роли права. Другой способ, актуализировавшийся после Второй мировой войны, характеризует современный конституционализм и ассоциируется с доктриной верховенства права в деятельности международных судов. Она обеспечивает возможность гарантирования взаимосвязи права и власти за пределами механизма государства и акцентирует воздействие права на государственную власть. Одновременно и в рамках государства судебный контроль выступает способом ограничения правом регламентарной власти, что также имеет свои истоки в доктрине сдержек и противовесов. Для Российской Федерации актуальной является модель контроля регламентарной власти в части исполнения и применении законодательства и соотношения в ней судебного и иных видов контроля и надзора.

А.Е. Носырева (Кемеровский государственный университет) проследила соотношение концепций конституционализма, федерализма и социального государства. Конституционализм предполагает систему правления, при которой полномочия государственной власти ограничены. Однако, конституционные ограничения могут проявляться в различных формах: установление процедурных требований их реализации; обеспечение социальных интересов

граждан (что находит отражение в концепции социального государства); распределение публично-властных полномочий в территориальном аспекте (что может обеспечиваться на основе принципа федерализма). Следовательно, конституционализм соотносится с федерализмом и социальным государством, как общее и частное. Всеобъемлющий конституционализм и его фундаментальные элементы — федерализм и социальное государство — составляют современное правовое демократическое государство.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный экономический университет)** отмечалась фундаментальная роль прав человека в современных концепциях конституционализма, в том числе когнитивной свободы. Она подчеркнула, что до сих пор отсутствуют определенность в понимании данной свободы и терминологическое единство в ее обозначении. Так, предложивший данный термин Р.Г. Бойр определял когнитивную свободу предельно широко, как «невидимый ландшафт», «винтэссенция свободы человека, «неприкосновенное право мыслить самостоятельно», охватывающее «свободное управление собственным сознанием», всеми психическими процессами, «своими убеждениями, мнениями и мировоззрением»³³. Однако в юридическом дискурсе приоритетной стала более узкая дефиниция, предложенная Я.К. Бублицем, который в позитивном смысле определяет когнитивную свободу как свободный и равный доступ к нейротехнологиям, а в негативном — как защиту от принудительного и несанкционированного их использования³⁴. Данное определение когнитивной свободы было использовано в одной из двух основных версий нейроправ, которую предложили М. Иэнк и Р. Андорно в 2017 г. Они обосновали четыре основных нейроправа: когнитивную свободу, право на психическую конфиденциальность, право на психическую неприкосновенность и право на психологическую преемственность³⁵.

Когнитивная свобода нуждается в предельно широкой защите не только от угроз со стороны инвазивных и неинвазивных нейротехнологий, но и от иных манипулятивных угроз, особенно в цифровой среде и с использованием искусственного интеллекта. В этой связи более приемлемым представляется подход к когнитивной свободе как к возможности самоопределения в отношении деятельности мозга и всего психического опыта человека. Сложной проблемой является и определение всех возможных манипулятивных угроз когнитивной свободе, особенно в эпоху онлайн-дезинформации, цифровых репрессий и др., а также проведение правовой границы между допустимыми и неправомерными манипуляциями. Множество вопросов порождает и терминологический плюрализм. В качестве синонимов или близких по значению используются такие термины, как «свобода воли», «свобода мысли», «психическое самоопределение», «психическая свобода», «личная автономия» и др., однако термин «когнитивная свобода» представляется наиболее оптимальным.

³³ Boire R.G. On Cognitive Liberty (Part I) // Journal of Cognitive Liberties. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.

³⁴ См.: *Bublitz J.-Ch.* My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.

³⁵ См.: *Ienca M., Andorno R.* Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // BMC. Part of Springer Nature. URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁰ Teubner G. Op. cit. P. 325.

³¹ См.: *ibid.* Pp. 328–330.

³² См.: *ibid.* Pp. 328, 329, 331.

Широкое понимание конституционализма позволяет рассматривать его применительно к различным сферам, отметила **канд. юрид. наук И.А. Алешкова (ИНИОН РАН)**. Концепция эколого-экономического конституционализма ориентирована на согласованную реализацию экологической, социальной и экономической функции государства. В ее основу положен принцип рационального природопользования. Концепция эколого-экономического конституционализма направлена на обеспечение эколого-экономического равновесия, т.е. сбалансированности методов и средств, используемых для достижения целей национального развития, включая поддержание комфортной и безопасной среды для жизни, экологического благополучия, устойчивой и динамичной экономики и технологического лидерства. Разработка концепции эколого-экономического конституционализма необходима для создания интегрированной системы эколого-экономического управления, реализации стратегии «зеленой» экономики, повышения уровня экологической и социальной ответственности, а также для организации и внедрения в практику эффективных правовых инструментов, необходимых для обеспечения рационального природопользования.

В докладе **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)** были проанализированы исторические корни признания правосубъектности животных и относительно недавнее решение Конституционного суда Колумбии, в котором рассматривалась данная проблема.

Правосубъектность животных имеет давнюю историю. Известно, что в эпоху Античности в законах архонта Драконта содержалось положение об уголовной ответственности лошади, причинившей вред здоровью человека. Животные в то время рассматривались как способные сознательно совершать поступки³⁶. Это их качество отмечали, в частности, Демокрит и Аристотель³⁷. Правосубъектность животных признавалась и в средневековой Европе в XIII–XVII вв. В этот период к суду привлекаются как домашние животные (свины, быки), так и дикие (грызуны, насекомые). Дела в отношении первых рассматривал светский суд, а назначаемые им наказания были аналогичны применяемым к людям. Преступлениями вторых занимался церковный суд, а наказанием служило отлучение от церкви. Исследователи выделяют две причины таких процессов. Во-первых, согласно пантеистическому взгляду на мир, животные, как и люди, являются творениями Бога и, значит, должны жить по одинаковым правилам, в том числе и юридическим. Во-вторых, в европейском феодальном обществе правовые нормы регулировали любые отношения. Пантеизм, таким образом, соединяется с панюридизмом, порождая весьма причудливые формы правосудия³⁸. Вместе с тем ни в эпоху Античности, ни в Средние века не существовало юридической науки, способной постичь данный феномен.

Юридическая наука стремится найти адекватное решение проблемы правосубъектности животных. Интересный материал для этого дает практика конституционных судов, особенно в государствах Латинской Америки. В 2020 г. в Конституционный суд Колумбии была подана жалоба

habeas corpus в отношении андского очкового медведя³⁹. Данное процессуальное средство используется, как известно, лишь применительно к людям. Суд отметил неадекватность выбранной для защиты процедуры и констатировал формальную неприемлемость жалобы. Таким образом, Конституционный суд воздержался от ответа на сущностный вопрос о правосубъектности животных. Однако судья Д.Ф. Ривера в своем особом мнении заявила, что животные должны быть признаны субъектами права⁴⁰. Она указала на три основания этого: животные являются чувственными существами, так как могут испытывать боль (п. 44); у животных есть интересы, которые могут быть названы правами (п. 116); законодательство устанавливает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными (п. 26). Представляется, что эти основания заслуживают внимания юридической науки и могут стать предметом дальнейшего обсуждения.

Место исторического конституционализма в эволюции конституционного строя Испании рассмотрела **д-р юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. Политико-правовая история данного государства дает замечательный материал для исследования, в том числе и потому, что в конце XVIII в., в эпоху Просвещения, в ее политический лексикон было введено понятие «историческая конституция» в качестве основы для обоснования насущных и желаемых государственных преобразований.

В докладе были представлены взгляды Г.М. Ховельяноса⁴¹ в отношении испанской «исторической конституции», ее содержания (системы политических отношений и институтов пиренейских королевств, сформировавшихся до установления абсолютизма в объединенной Испании), формы («основных законов») и возможностей ее заимствования. Очевидная антиабсолютистская направленность данного учения предопределила его востребованность при подготовке текста первой национальной конституции – Политической конституции испанской монархии 1812 г. Термин «историческая конституция» использовался не только в доктрине, но и в записке, сопровождавшей представленный проект Конституции, и его авторы настаивали на том, что учредительный акт подготовлен на базе «основных законов Арагона, Наварры и Кастилии». Докладчик высказала предположение о мифологизации «исторической конституции», вызванной стремлением либералов получить поддержку консервативно настроенного населения для принятия Конституции в условиях национально-освободительной войны против Франции, конституционное право которой и явилось главным источником Основного закона 1812 г. В докладе было показано развитие идеи «исторической конституции» в испанской доктрине, стремление политиков и законодателей опереться на исторический опыт государственно-правового развития страны, традиция обоснования разрабатываемых актов историей соответствующего правового института.

³⁶ См.: *Sorabji R.* Du droit des animaux dans la pensée antique // *Alliage: Culture-Science-Technique*. 1991. No. 7–8. P. 42.

³⁷ См.: *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970. С. 363.

³⁸ См. подробнее: *Evans E.P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. London, 1906.

³⁹ Corte Constitucional Republica de Colombia. Sentencia SU016/20 de 23 de enero de 2020. Acción de tutela presentada por la Fundación Botánica y Zoológica de Barranquilla (FUNDAZOO) contra la Corte Suprema de Justicia. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2020/su016-20.htm> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴⁰ См.: *Salvamento de voto de la magistrada Diana Fajardo Rivera (Rivera D.F.)*. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2020/su016-20.htm> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴¹ Г.М. Ховельянос (1744–1811) – юрист и общественный деятель эпохи Просвещения, родоначальник либерального консерватизма в Испании.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)** обращалось внимание на то, что в последнее пятилетие во многих постсоветских государствах прошли конституционные реформы: 2020 г. — Российская Федерация, 2021 г. — Кыргызская Республика, 2022 г. — Беларусь, Казахстан, 2023 г. — Узбекистан, Туркменистан. Эти реформы были обусловлены социальными, экологическими, экономическими, политическими вызовами и изменениями в соответствующих обществах и государствах. В качестве общих тенденций, характерных для конституционных реформ в странах СНГ, можно рассматривать укрепление правового характера государства, дальнейшее развитие демократии и социальной государственности. Одновременно в данных государствах проявляется национальный компонент и самобытность государств.

Т.Е. Мельник (ИЗиСП при Правительстве РФ) проанализировал концепцию нелиберального конституционализма, развиваемую в польском конституционном праве. Ее появление отражает сложную и противоречивую ситуацию, сложившуюся в Польше с 2015 г. в результате победы партии «Право и справедливость» и ее союзников, представляющих правый политический фланг, вначале на парламентских, а потом и на президентских выборах⁴². Предпринятые ими меры — избрание в Конституционный трибунал новых судей (т.н. неосудей) до истечения срока полномочий судей, избранных ранее, взятие под парламентский контроль органов судейского самоуправления, внесение изменений в законодательство, регламентирующее право на демонстрации и на митинги, ужесточение требований к проведению аборт, усложнение отношений с Европейским Союзом и Советом Европы⁴³ — рассматриваются в политической публицистике и даже в правовой научной литературе как конституционный кризис.

Концепция нелиберального конституционализма представляет собой один из вариантов критического доктринального осмысления этих изменений. Сторонниками данной концепции можно назвать, например, профессора Щецинского университета А. Бьень-Кацалу, судью Конституционного трибунала в отставке М. Граната. К характерным чертам нелиберального конституционализма относят нарушение баланса в системе разделения властей в пользу Сейма, нижней палаты парламента, находящейся под контролем одной политической силы, отсутствие полноценного конституционного контроля, нарушение конституционного принципа свободы. При этом в системе конституционных ценностей на первый план выдвигается принцип коллективного достоинства, что приводит к подавлению индивидуальных свобод. Текст Конституции остается неизменным, продолжают функционировать предусмотренные ею институты, однако законодательство и правоприменительная практика наполняются нелиберальным содержанием. Это дает основания для выработки такого парадоксального термина, как «нелиберальный конституционализм», который во многом сопряжен с понятием «нелиберальная демократия», разработанным в политологии и представленным в трудах Ф. Закарии. Обращается внимание и на схожесть конституционных процессов в Польше

в 2015—2023 гг. с политикой венгерской правительственной коалиции во главе с партией «Фидес».

Доклад **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)** был посвящен реализации концепции трансформационного конституционализма в Южно-Африканской Республике. В процессе перехода от апартеида к демократии в 1994 г. и принятия Конституции 1996 г. были заложены основы новой государственности и общественной жизни. Конституция ЮАР была признана преобразующим актом, а идея трансформационного конституционализма — южноафриканским «брендом»⁴⁴ и новым концептом в сравнительном праве⁴⁵.

Американский ученый К. Кларе, который ввел данное понятие, описывает трансформационный конституционализм как «долгосрочный проект принятия, толкования и применения конституции», направленный (с учетом исторического контекста и благоприятных политических событий) на преобразование политических и социальных институтов, властных отношений в демократическом, партисипативном и эгалитарном направлении. Трансформационный конституционализм предполагает стремление к масштабным социальным изменениям посредством ненасильственных политических процессов, основанных на законе. Идеал трансформации — это высокоэгалитарное и мультикультурное общество, управляемое посредством партисипативных, демократических процедур как в публичной, так и частной сферах.

В рамках трансформационного конституционализма учредительный акт рассматривается в качестве правовой основы постоянных преобразований в целях достижения реального равенства, социального благополучия, сокращения бедности посредством обеспечения и защиты основных прав, прежде всего социально-экономических. Такой подход требует от органов судебной власти, в частности органов конституционного контроля, проявление активизма при защите данных прав.

Созданный в 1994 г. Конституционный суд ЮАР воспринял идею трансформационного конституционализма как легитимирующую его роль в преобразовании общества. Решения Суда приводят к практическим изменениям в сфере здравоохранения, образования, обеспечения жильем. Конституционный суд разработал ряд инновационных средств защиты, направленных на предотвращение нарушений прав: возмещение конституционного ущерба, структурные запреты (*structural interdicts*) с участием специализированных организаций и специальных экспертов (*special masters*).

Однако, несмотря на заметные конституционные достижения, трансформационный конституционализм в ЮАР пока еще не в полной мере оправдал возлагавшиеся на него ожидания.

Специфику конституционализма государств Ближнего Востока проанализировал **канд. юрид. наук М.Г. Мехтиев (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Данный регион ассоциируется с исламским правом. Оно привнесло в юридическую науку многие из тех принципов, которые сегодня считаются само собой разумеющимися, а в средневековье были весьма смелыми идеями. В частности, представители

⁴² На выборах в Сейм и Сенат 15.10.2023 г. политическим оппонентам правых удалось взять реванш и сформировать коалиционное правительство.

⁴³ Некоторые представители правящей коалиции называли членов Венецианской комиссии, которые должны были посетить Польшу в рамках подготовки отчета о ситуации в стране, не более чем туристами.

⁴⁴ *Hailbronner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // *American Journal of Comparative Law*. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.

⁴⁵ См.: *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // *South African Journal on Human Rights*. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.

исламской школы мутазилитов, исходя из текста Корана, в котором Бог обещает наказать грешников, пришли к выводу, что Творец действует в соответствии с законами, несмотря на то что Он и является источником этих законов. Так возникла доктрина верховенства права как части шариата, которая распространялась не только на подданных, но и на самого халифа.

С принятием ближневосточными государствами конституций шариат стал ограничением не только и не столько власти главы государства, но и законодательной власти, что отражено в основных законах ряда персидских монархий и Исламской Республики Иран. Так, глава исламской общины фактически руководит отдельной ветвью власти, а назначение ее членов осуществляется на основе таких критериев, как соблюдение шариата, это означает, что население не участвует в ее формировании. Однако данные органы обычно определяют соответствие законодательных актов ценностям ислама, в то время как сами законодательные органы нередко являются избранными. В целом шариат сегодня является неотъемлемой частью исламского конституционализма и одновременно ограничением его развития. Это обусловливается тем, что привнесение новшеств в шариат рассматривается как искажение религии.

К.А. Старков (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого) рассмотрел специфические модели исламского конституционализма, сформировавшиеся в Объединенных Арабских Эмиратах и Малайзии. Форму правления этих государств можно охарактеризовать как коллективную монархию: глава государства может избираться неограниченное количество раз из лиц, являющихся наследственными монархами в эмиратах или штатах. По форме государственного устройства — это своеобразные теократические федерации, субъекты которых возглавляются наследственными монархами, одновременно являющимися и высшими духовными лицами. Организация власти в ОАЭ и Малайзии во многом схожа, но существуют и отличия. Так, глава государства и Высший совет в ОАЭ обладают несравненно большими полномочиями, чем глава государства и Совет правителей в Малайзии. Имеются различия и в территориальном устройстве: в Малайзии наряду со штатами существуют федеральные территории, управляемые непосредственно из центра, а также есть штаты, возглавляемые губернаторами, назначаемыми центральным правительством. Как и для всего мусульманского мира, для ОАЭ и Малайзии характерно определяющее влияние ислама не только на организацию власти, но и на жизнь общества в целом.

На второй секции «Конституционализм в действии» обсуждались проблемы развития конституционализма в условиях социально-экономических и политических трансформаций и использования цифровых технологий. По мнению канд. юрид. наук **А.В. Путинцева (Казанский (Приволжский) федеральный университет)**, конституционализация безопасности и секьюритизация конституционализма — это диалектически взаимосвязанные категории, выражающие закономерности, присущие современному конституционно-правовому регулированию. Обеспечение безопасности конституции в узком смысле предполагает давно сложившиеся практики ее охраны и защиты, а в широком — состояние национальной безопасности, раскрываемое через защищенность конституционных ценностей. Конституционализация безопасности представляет собой институционализацию безопасности как социального и юридического явления (совокупности явлений) при помощи конституционно-правовых средств. Анализ текстов конституций, принятых со второй половины XX в.,

наглядно демонстрирует рост числа упоминаний слова «безопасность» в текстуальном выражении большого числа юридических конструкций (цели, декларации, условия ограничения, предметы ведения и полномочия и т.п.). В социальном дискурсе безопасность выступает категорией, позволяющей объяснять и оценивать те или иные социальные феномены, обосновывать реформы. В данном контексте главной проблемой является баланс безопасности и традиционных ценностей классического конституционализма. Важен и прикладной аспект конституционализации механизма обеспечения безопасности, в частности ее «технологии» (конституционный контроль, глобализация прав человека, парламентский контроль, процедура введения чрезвычайного положения) отстают в развитии от темпов секьюритизации конституционализма.

Доклад канд. юрид. наук, доц. **С.А. Агамагомедовой (ИГП РАН)** был посвящен экономическому конституционализму. Соотношение права и экономики раскрывается отечественными правоведами посредством обоснования «конституционной экономики»⁴⁶ и «экономической конституции»⁴⁷, выработки концепций экономического права⁴⁸ и экономического конституционализма⁴⁹. Последний находит отражение в решениях Конституционного Суда РФ по финансово-экономическим вопросам, традиционно занимающим существенное место в практике конституционного правосудия. Не случайно решения Конституционного Суда РФ рассматриваются в качестве межотраслевого источника практической финансово-экономической юриспруденции, сочетающего в себе нормативные, доктринальные и практико-прикладные начала⁵⁰.

Существенно возросшая роль экономического взаимодействия различных субъектов, экономического обеспечения управленческих, технологических, промышленных, интеллектуальных и иных процессов закономерно отражает неразрывную связь и взаимную обусловленность правовых и экономических механизмов, доказывает необходимость экономического обеспечения правовых решений и правового регулирования экономических процессов. Конституционное право выступает основой экономической политики государства в современных условиях. Сторонники экономического конституционализма подчеркивают межотраслевую, междисциплинарную природу данной категории, в основе которой — повышенный

⁴⁶ Конституционная экономика / отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2010.

⁴⁷ Андреева Г.Н. О месте концепции «экономической конституции» в европейском дискурсе // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 50–64.

⁴⁸ См., напр.: Ашмарина Е.М. К вопросу об актуальности экономического права. Доклад на пленарном заседании II межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844; Ашмарина Е.М., Кроткова Н.В., Терехова Е.В. Обзор материалов II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030; Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57–70; Их же. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. № 7. С. 5–16.

⁴⁹ См.: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017.

⁵⁰ См.: там же. С. 209–224.

удельный вес экономического (материального) содержания и конституционно-правовые средства его оформления⁵¹.

Анализ конкретных конституционно-правовых институтов финансово-экономической системы российского государства, влияние решений Конституционного Суда РФ на рыночно-экономическое законодательство и, в конечном счете, на современные процессы экономического развития российского общества относится к особенной части экономического конституционализма. В качестве примера можно привести правовые позиции Конституционного Суда РФ по разрешению таможенных споров, безусловно имеющих финансово-экономическую природу и вытекающих из имущественных правоотношений. Даже в решениях, связанных с обеспечением процедурных вопросов таможенного контроля⁵², внесением определенности в законодательство об административной ответственности⁵³ прослеживаются идеи и принципы экономического конституционализма, обеспечивающего соблюдение оптимального баланса частных и публичных интересов в экономике и смежных с ней сферах.

Конституционализм органически связан с государственным суверенитетом во всех многоаспектных его проявлениях — юридическом, политическом, экономическом, культурном, подчеркнула канд. юрид. наук **Н.И. Соловяненко (ИГП РАН)**. Упрочение позиции России как одного из влиятельных центров современного мира предполагает и укрепление ее технологического суверенитета, развернутое определение которого дано в Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵⁴. Технологический суверенитет — это наличие критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственных национальных целей развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах — исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами (разд. II).

В Российской Федерации, как и в иных развитых государствах, происходит перевод экономики на преимущественное использование инновационных технологий, прежде всего искусственного интеллекта (нейросетей). Государственное управление экономикой осуществляется на основе данных с применением цифровых платформ, облачных технологий, интернета вещей. Ускоренная технологизация производственной и общественной сферы деятельности человека обусловила

зависимость экономического развития и качества жизни людей от технологического прогресса, что повлекло за собой определенные угрозы безопасности общества. По убеждению Президента РФ, «традиционная культура должна быть опорой для обеспечения безопасности и разумности создания и применения современных технологий», она наряду с «идеалами добра и уважения к человеку» выступает «естественным этическим регулятором технического прогресса»⁵⁵.

Достижение технологического суверенитета обеспечивается поддерживаемой и направляемой государством высокоинтенсивной инновационной активностью субъектов экономической деятельности. В числе ключевых факторов государственной поддержки инновационной активности — создание для нее комфортной регуляторной среды по широкому спектру направлений правового регулирования, включая ликвидацию правовых препятствий коммерциализации интеллектуальной собственности, установление экспериментальных правовых режимов в отдельных сферах инноваций, определение статуса проектов технологического суверенитета и многое другое. Создание комфортной регуляторной среды для инновационной активности включает также зафиксированную в Концепции адаптацию к потребностям разработчиков, предпринимателей и инвесторов юридических механизмов защиты их прав и законных интересов, в частности изменение подсудности экономических (имущественных) споров в отношении прав на результаты интеллектуальной деятельности — передача из судов общей юрисдикции в арбитражные суды (п. 2 разд. IV), создание правового механизма электронного документооборота в его наиболее развитой и актуальной форме, а именно правовой среды доверия.

Н.А. Тиханов (МГУ им. М.В. Ломоносова) отметил, что санкционное давление на российскую экономику привело к необходимости осуществления специального регулирования, направленного на противодействие ему. Соответственно, в целях реализации данного регулирования потребовалось изменение компетенции органов государственной власти и порядка их взаимодействия, что делает актуальным анализ появившихся экстраординарных полномочий с точки зрения принципа разделения властей.

Ключевым проявлением антисанкционного регулирования является возможность принятия Президентом РФ решения о применении антисанкционных мер⁵⁶. В силу своей экстраординарной природы такое регулирование предполагает установление какой-либо системы проверки принятых решений, как в случаях введения режима военного или чрезвычайного положения. Однако действующее российское законодательство каких-либо механизмов парламентского контроля, позволяющих отменить или изменить соответствующее регулирование, осуществляемое указами Президента РФ, не предусматривает.

Другим элементом экстраординарного регулирования стало определение компетенции Центрального банка РФ

⁵¹ См.: *Бондарь Н.С.* Указ. соч. С. 11, 12.

⁵² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАТ» // СЗ РФ. 2023. № 19, ст. 3519.

⁵³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Газпромнефть — Смазочные материалы» и общества с ограниченной ответственностью «ВИРЕМ РУС» // СЗ РФ. 2024. № 11, ст. 1563.

⁵⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

⁵⁵ Выступление Президента РФ на Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», 24 ноября 2023 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵⁶ См.: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I), ст. 44; Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3394.

в антисанкционных указах Президента РФ⁵⁷. Законодательство до внесенных в него изменений в июне 2022 г.⁵⁸ допускало возможность установления компетенции Центрального банка РФ исключительно федеральными законами⁵⁹. На момент принятия первых антисанкционных указов Президента РФ, в том числе определявших полномочия Банка России⁶⁰, в законодательстве отсутствовали положения, позволяющие однозначно говорить о возможности установления компетенции Центрального Банка РФ в подзаконных нормативных актах. Изменения, которые позволяют рассматривать определение компетенции Банка России посредством указов Президента РФ как порядок, установленный федеральным законом, были приняты уже после первых антисанкционных указов Президента РФ⁶¹, в связи с чем эти указы могут рассматриваться в контексте т.н. опережающего регулирования, осуществляемого Президентом РФ. Представляется, что в данном случае формальная спорность такого порядка определения компетенции должна быть сопоставлена с рисками несвоевременного введения необходимого антисанкционного регулирования.

Понятия сервисного государства и сервисного конституционализма прочно вошли в нашу жизнь, подчеркнула канд. экон. наук Д.Ю. Козяр (Двинских) (РАНХиГС при Президенте РФ). Право человека на эффективные государственные услуги закрепляется в федеральном и региональном законодательстве, актах органов местного самоуправления, активно финансируются инициативы по совершенствованию оказания государственных услуг. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.⁶² была поставлена задача до конца

⁵⁷ См., напр.: Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1465; Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1466; Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1472; Указ Президента РФ от 09.09.2023 № 665 «О временном порядке исполнения перед резидентами и иностранными кредиторами государственных долговых обязательств Российской Федерации, выраженных в государственных ценных бумагах, номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, и иных обязательств по иностранным ценным бумагам» // СЗ РФ. 2023. № 37, ст. 6814.

⁵⁸ См.: Федеральный закон от 28.06.2022 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27, ст. 4613.

⁵⁹ См.: Федеральный закон от 10.06.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ст. 1) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

⁶⁰ См., напр.: Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»; Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами».

⁶¹ См.: Пункты 3–4 ст. 4.2 Федерального закона от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (в ред. ст. 5 Федерального закона от 28.06.2022 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

⁶² Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 15.09.2024).

2020 г. перевести предоставление всех ключевых государственных услуг в проактивный формат, когда человеку достаточно направить запрос на необходимую услугу, а все остальное система должна сделать автоматически. В Федеральном проекте «Цифровое государственное управление»⁶³ предусматривается, что к 2024 г. государственные (муниципальные) услуги должны предоставляться проактивно и в цифровом виде.

В целях выявления реального уровня оказания государственных услуг в цифровой форме было проведено исследование практики оказания государственных услуг в сфере градостроительной деятельности и жилищных отношений на предмет ее соответствия пониманию эффективности – наличию удобной цифровой оболочки, избавляющей получателя услуги от взаимодействия с государственным органом, и гарантированности получения услуги (отсутствие риска коррупции, бюрократических проволочек, транзакционных издержек и препятствий для реализации прав граждан)⁶⁴.

Исследование выявило существующие проблемы. Государственные органы часто отказывают в предоставлении услуги, чтобы не брать на себя ответственность. Любые согласования сопряжены с избыточным вовлечением гражданина, бюрократизацией деятельности. Нередко получить услугу можно только в судебном порядке, даже в том случае, когда гражданин имеет все основания для ее предоставления. Сроки оказания услуг вместо установленных 45 дней могут затягиваться на многие годы. К услугам, с получением которых были выявлены указанные проблемы, относятся: предоставление земельных участков, выдача разрешений на строительство и реконструкцию объектов недвижимости, согласование переустройства и (или) перепланировки жилого/нежилого помещения. Услуги предоставления выписки из реестров не автоматизированы, и их получение требует много времени (за исключением единственной услуги – предоставление выписки ЕГРН). Услуги по регистрации прав купли-продажи и долевого участия оказываются формально: оценка объекта сделки полностью перекладывается на покупателя, компетенция которого далеко не всегда позволяет разобраться в сложной документации.

Таким образом, сервисный конституционализм во многом является номинальным. Может ли одна цифровизация решить все имеющиеся проблемы или необходимы более глубокие реформы и изменение менталитета чиновников – вопрос дискуссионный.

И.А. Шелудченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратила внимание на то, что использование технологий ведет к трансформации различных конституционно-правовых отношений с точки зрения не только их содержания, но и субъектного состава. Опосредованность в целом ряде случаев реализации прав граждан использованием информационно-телекоммуникационных сетей приводит к тому, что квази- и негосударственные организации начинают выступать в качестве самостоятельных субъектов конституционно-правовых отношений, в деятельности которых необходимо обеспечивать баланс прав человека и публичных интересов. С одной стороны, гражданам должны предоставляться гарантии соблюдения их прав, с другой – недопустимо и нарушение

⁶³ См.: Федеральный проект «Цифровое государственное управление» (п/п. 4.6 п. 6 Паспорта национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁴ Исследование проводилось методом глубинных интервью с консультантами, юристами, адвокатами.

прав указанных организаций при делегировании им государственных полномочий или правовом регулировании их деятельности, неотъемлемым элементом которой выступает осуществление публично-значимых функций. Низкий уровень правовой регламентации соответствующих конституционно-правовых отношений ведет к нарушению такого баланса применительно к каждому из субъектов, что особенно проявляется в сфере оборота персональных данных и информационном законодательстве.

Отмечается также тенденция использования в конституционно-правовых отношениях систем искусственного интеллекта, которым передаются отдельные полномочия публично-властного характера (в доктрине это называется «киберделегирование»). Одним из ключевых условий применения киберделегирования, как это декларируется, например, в Российской Федерации и Европейском союзе, выступает недопустимость нарушения прав и законных интересов граждан, а также проведение оценки рисков, сопряженных с использованием искусственного интеллекта, в контексте его воздействия на права и свободы граждан.

По мнению А.Э. Булгакова (МГУ им. М.В. Ломоносова), цифровой конституционализм предполагает необходимость ограничения власти не только государства, но и частных компаний – владельцев цифровых платформ. При этом контроль за распространением информации в Сети целесообразно передать некоммерческим организациям. Государственные органы и частные компании не могут выступать в роли гарантов цифрового конституционализма. Органы государственной власти в своей нормотворческой и правоприменительной деятельности не успевают за развитием цифровых технологий и сервисов, а упрощение правовых процедур нередко приводит к нарушению прав и свобод человека. Цифровые платформы, в свою очередь, склонны пренебрегать правами своих пользователей в угоду интересам бизнеса. Возможна и коллаборация государства и цифровых компаний, когда им предоставляется широкая свобода усмотрения при установлении и реализации правил сетевого взаимодействия в обмен на продвижение правительственных источников на цифровых платформах. В любом случае права и свободы пользователей платформ остаются без должных гарантий. Решить указанные проблемы может переход к общественной модели контроля за распространением информации на цифровых платформах. Для перехода к этой модели необходимо разработать нормативные положения, которые определяют критерии и порядок наделения некоммерческих организаций специальным статусом, устанавливают требования к транспарентности их деятельности, а также процедуру взаимодействия с государственными органами и цифровыми платформами.

Цифровые технологии, подчеркнул **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасов (ИГП РАН)**, прочно вошли в повседневный быт людей, способствуя рационализации общественно-политической жизни и более эффективной реализации конституционных прав граждан. Благодаря цифровизации происходит сближение органов публичной власти с населением посредством устранения лишних посредников в отношениях между ними. Внедрение технологий способствует улучшению качества обслуживания населения и формированию новых механизмов предоставления публичных услуг, которые становятся все более персонализированными⁶⁵.

Местный уровень власти предлагает практически «идеальную платформу для

внедрения и изучения новых демократических практик и технологий, учитывая его масштаб и близость к гражданам»⁶⁶. Цифровая демократия становится важным драйвером развития традиционных видов демократии. Внедрение цифровых механизмов гражданского участия (электронные форумы и дебаты, консультации с гражданами, партисипативное планирование и бюджетирование и т.п.) способствует укреплению конституционализма за счет повышения инклюзивности общественно-политических процессов и преодоления гражданской апатии.

Однако цифровая трансформация публичной сферы не только содействует развитию местной демократии, но и порождает определенные риски, связанные с возможными ограничениями отдельных свобод и использованием персональных данных вопреки интересам личности.

В докладе **канд. полит. наук А.Н. Курюкина (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)** были проанализированы данные проведенных в 2023 г. опросов ВЦИОМ, посвященных знанию Конституции РФ и отношению граждан к цифровым инновационным технологиям, в контексте перспектив развития цифрового конституционализма в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.Н. О месте концепции «экономической конституции» в европейском дискурсе // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 50–64.
2. Ашмарина Е.М. К вопросу об актуальности экономического права. Доклад на пленарном заседании II межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844
3. Ашмарина Е.М., Кроткова Н.В., Терехова Е.В. Обзор материалов II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030
4. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 13, 48, 54.
5. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017. С. 11, 12, 209–224.
6. Выступление Президента РФ на Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», 24 ноября 2023 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57–70.
8. Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. № 7. С. 5–16.
9. Конституционная экономика / отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2010.
10. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970. С. 363.

⁶⁵ См.: E-government in Europe: Re-booting the State / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou. London, 2007. P. 43.

⁶⁶ Mergel I. Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.

11. *Oriu M.* Основы публичного права / пер. с франц. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М., 1929. С. 9.
12. *Сергеевич С.Л.* Новые тенденции в развитии американской науки права: «движение критических правовых исследований» // Правоведение. 1990. № 5. С. 47–50.
13. *Такер Ю.* В пыли этой планеты // Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. Пермь, 2017. Т. 1. С. 102–104.
14. *Фуко М.* Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с франц. А.В. Шестакова. СПб., 2007. С. 74–77.
15. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М., 2021. С. 102–143.
16. *Bublitz J.-Ch.* My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.
17. *Boire R.G.* On Cognitive Liberty (Part I) // Journal of Cognitive Liberties. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.
18. *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // David Suzuki Foundation. Paper 4. URL: <https://davidsuzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).
19. *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // New Frontiers in Environmental Constitutionalism. Nairobi, 2017. P. 30, 31.
20. E-government in Europe: Re-booting the State / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou. London, 2007. P. 43.
21. *Evans E.P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. London, 1906.
22. *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.
23. *Forsthoff E.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoff, W. Weber (Hrsg.). Berlin, 1994. S. 52.
24. *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.
25. *Hailbronner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // American Journal of Comparative Law. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.
26. *Halmai G.* Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law. The Hague, Portland. 2014.
27. *Ienca M., Andorno R.* Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // BMC. Part of Springer Nature. URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (дата обращения: 25.09.2024).
28. *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // Adelaide Law Review. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.
29. *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // South African Journal on Human Rights. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.
30. *Koskenniemi M.* The Politics of International Law – 20 Years Later // The European Journal of International Law. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.
31. *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // German Law Journal. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.
32. *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (дата обращения: 22.09.2024).
33. *Mergel I.* Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.
34. *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.
35. *Prandini R.* The Morphogenesis of Constitutionalism // The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. Oxford, 2010. Pp. 311, 312.
36. *Sciulli D.* Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism. New York; London, 2001.
37. *Sciulli D.* Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. Cambridge; New York, 1992.
38. *Sciulli D.* Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766.
39. *Sorabji R.* Du droit des animaux dans la pensée antique // Alliage: Culture-Science-Technique. 1991. No. 7–8. P. 42.
40. *Teubner G.* Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // Sociological Constitutionalism / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill. Cambridge, 2017. Pp. 317–325, 328–331.
41. *Tushnet M.* Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // Stanford Law Review. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629.
42. *Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

REFERENCES

1. *Andreeva G.N.* On the place of the concept of the “economic constitution” in the European discourse // Journal of Russ. law. 2007. No. 12. Pp. 50–64 (in Russ.).
2. *Ashmarina E.M.* On the issue of the relevance of Economic Law. Report at the plenary session of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference “Economic Law: theoretical and applied aspects” (Russian State University of Justice, February 25, 2015) // Financial Law and Management. 2015. No. 1. Pp. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844 (in Russ.).
3. *Ashmarina E.M., Krotkova N.V., Terekhova E.V.* Review of the materials of the II All-Russian Interuniversity Scientific and Practical Conference “Economic Law: theoretical and applied aspects” (Russian State University of Justice, February 25, 2015) // Financial Law and Management. 2015. No. 1. Pp. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030 (in Russ.).
4. *Berman G.J.* The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from English. M., 1994. Pp. 13, 48, 54 (in Russ.).
5. *Bondar N.S.* Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice. M., 2017. Pp. 11, 12, 209–224 (in Russ.).
6. Speech by the President of the Russian Federation at the International Conference on Artificial Intelligence and Machine Learning Artificial Intelligence Journey 2023 on the topic “The revolution of generative AI: new opportunities”, November 24, 2023 // The President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (accessed: 25.09.2024) (in Russ.).
7. *Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N.* Economic Law and economic theory // State and Law. 2015. No. 1. Pp. 57–70 (in Russ.).
8. *Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N.* Economic Law as a megabranch of Russian law: its subject and system // State and Law. 2015. No. 7. Pp. 5–16 (in Russ.).
9. Constitutional Economics / ed. by G.A. Gadzhiev. M., 2010 (in Russ.).
10. *Lurie S. Ya.* Democritus. Texts, translation, research. L., 1970. P. 363 (in Russ.).
11. *Oriu M.* Fundamentals of public law / transl. from French by E. Pashukanis and N. Chelyapov. M., 1929. P. 9 (in Russ.).

12. *Sergevnin S.L.* New trends in the development of the American science of law: "The movement of critical legal research" // *Jurisprudence*. 1990. No. 5. Pp. 47–50 (in Russ.).
13. *Tucker Yu.* In the dust of this planet // *Tucker Yu. The Horror of philosophy: in 3 vols / transl. from English by A. Ivanov.* Perm, 2017. Vol. 1. Pp. 102–104 (in Russ.).
14. *Foucault M.* Psychiatric power: a course of lectures delivered at the College de France in the 1973–1974 academic year / transl. from French by A.V. Shestakov. SPb., 2007. Pp. 74–77 (in Russ.).
15. *Kharman G.* Object-oriented ontology: a new "theory of everything" / transl. from English by M. Fetisov. M., 2021. Pp. 102–143 (in Russ.).
16. *Bublitz J.-Ch.* My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // *Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke.* Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.
17. *Boire R.G.* On Cognitive Liberty (Part I) // *Journal of Cognitive Liberties*. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.
18. *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // *David Suzuki Foundation. Paper 4.* URL: <https://david Suzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (accessed: 22.09.2024).
19. *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // *New Frontiers in Environmental Constitutionalism.* Nairobi, 2017. P. 30, 31.
20. *E-government in Europe: Re-booting the State / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou.* London, 2007. P. 43.
21. *Evans E.P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. London, 1906.
22. *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.
23. *Forsthoff E.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // *Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoff, W. Weber (Hrsg.).* Berlin, 1994. S. 52.
24. *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.
25. *Hailbronner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // *American Journal of Comparative Law*. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.
26. *Halmaj G.* Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law. The Hague, Portland, 2014.
27. *Ienca M., Andorno R.* Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // *BMC. Part of Springer Nature.* URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (accessed: 25.09.2024).
28. *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // *Adelaide Law Review*. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.
29. *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // *South African Journal on Human Rights*. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.
30. *Koskeniemi M.* The Politics of International Law – 20 Years Later // *The European Journal of International Law*. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.
31. *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // *German Law Journal*. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.
32. *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // *SSRN.* URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (accessed: 22.09.2024).
33. *Mergel I.* Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.
34. *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.
35. *Prandini R.* The Morphogenesis of Constitutionalism // *The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin.* Oxford, 2010. Pp. 311, 312.
36. *Sciulli D.* Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism. New York; London, 2001.
37. *Sciulli D.* Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. Cambridge; New York, 1992.
38. *Sciulli D.* Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766.
39. *Sorabji R.* Du droit des animaux dans la pensée antique // *Alliage: Culture-Science-Technique*. 1991. No. 7–8. P. 42.
40. *Teubner G.* Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // *Sociological Constitutionalism / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill.* Cambridge, 2017. Pp. 317–325, 328–331.
41. *Tushnet M.* Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // *Stanford Law Review*. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629.
42. *Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // *Global Constitutionalism*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia